

# Нянька

Воят волки за углом,  
Мы с тобой гулять идем...

Дани  
Ver

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Олли Ver Нянька

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=37672576](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37672576)  
SelfPub; 2018*

## Аннотация

Очень больно потерять единственного друга. Но если судьба захотела растоптать, она не сделает скидку на возраст, не примет во внимание, насколько человек любим – она вырвет его из вашего сердца, оставив вас корчиться от боли. Она перешагнет через вас, ухмыльнется и брезгливо швырнет в лицо кипу воспоминаний – ярких, теплых, – чтобы вы помнили эту боль всю жизнь, и будет смеяться, глядя, как в приступе ярости вы проходите мимо тех, кто сумел полюбить вас искалеченным. История о двух девочках и человеческой подлости. О том, как легко сломать человеческую жизнь... и как сильно можно любить сломанных. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Глава 1. Жвачка	5
Глава 2. Деталь с обломанными пазами	30
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Для оформления обложки использовано изображение с <https://unsplash.com/photos/ZDhLVO5m5iE>

# Глава 1. Жвачка

– Думаешь, это кишки?

– Нее... просто кровь.

– Да ну, какая же это кровь? Ты посмотри, там же внутри что-то круглое и длинное...

– Говорю тебе это – кровь. Или червяк.

– Думаешь, она успела сожрать червяка, прежде чем её переехало?

– Может, это червяк сейчас жрёт её?

– Хм... А мы проверим!

Анька поднимаемся на ноги так быстро, что подол её платья опускается лишь секундой позже, оголяя её тощие бедра и белые хлопковые трусы. Она оборачивается вокруг себя и стремглав бросается на обочину дороги, где роется в жи-денькой траве задом кверху. Анька что-то бубнит мне, но я ни слова не могу разобрать.

– Я ничего не слышу! – кричу я ей.

Она разгибается, поворачивается ко мне – её лицо стало ярко-розовым от прилившей к голове крови. В руках она держит прутик.

– Я говорю – если начнет шевелиться, значит это – червяк.

Анька снова возвращается на тропу и садится на корточки, нависая над нашей находкой. Она аккуратно втыкает прутик прямо в центр бурой каши и подцепляет комок

коричневого сгустка концом ветки, таща его наверх — жижа мерзко скатывается с палки и, переливаясь на солнце, с тихим шлепком падает на землю.

— Меня сейчас стошнит... — я морщусь и вскакиваю, закрывая рот рукой.

Анька хохочет:

— Я же говорила — кишки! А она — червяк, червяк...

— Тоже мне, — глухо бубню я из своей ладони, — эксперт по раздавленным мышам...

Она продолжает победно смеяться, пока я пытаюсь вернуться на место взбунтовавшийся желудок. Анька поднимается на ноги и отбрасывает палку обратно в траву.

— Ладно, — говорит она, — пошли к речке.

Мне не сильно хочется идти на речку, но все же это лучше, чем рассматривать раздавленных грызунов, лежащих посреди дороги. И я киваю.

Если долго идти вверх по тропе, на которой валяетсядохлаямышь, то неизменно приходишь к старому ручью. Ну как — долго? Минут двадцать. И это не речка вовсе, а так, речка-говнотечка, как говорит моя мама. Она, кстати, не особо радуется тому, что я туда хожу. Речка, и без того небольшая, с каждым годом становится все уже и мельче. Но все же это хоть какое-то разнообразие ландшафта. Если долго идти вверх по тропе с раздавленной мышью, ты минуешь заброшенный, покосившейся от времени сарай, небольшую рощицу с кривыми березками, проходишь мимо огромного, сло-

манного пополам, дерева, после чего дорога резко поднимается вверх, и ты взбираешься на горку. Мост находится там, сколько я себя помню. Он не то чтобы прокинут над речкой, скорее, соединяет два противоположных берега, потому что они довольно круты – от верхней точки моста до каменистого дна примерно четыре этажа среднестатистической многоэтажки. Это довольно высоко. Особенно, когда вам восемь лет.

Мы забегаем на мостик (по-другому и не скажешь, потому что он узкий и старый) и останавливаемся по центру. Анька приподнимается на цыпочки, перегибается через перила и плюет вниз. Прозрачная слюна летит вниз и бесшумно вклинивается в бурлящий поток под нашими ногами. Речка маленькая, но течет быстро, словно торопится куда-то успеть, прежде чем высохнет окончательно. Звук струящейся воды, вспениваемой острыми камнями, успокаивает. Я буду помнить этот звук всю жизнь.

– Как думаешь, здесь кто-нибудь тонул?

Я смотрю на Аньку и думаю, до чего же она красивая.

– Как тут утонешь? – отвечаю и перегибаюсь через перила. – Там воды по колено. А вот разбиться можно, запросто.

– Слишком низко, – говорит Анька. – Только покалечиться.

– Нормально тут... – говорю я, по-прежнему глядя вниз.

Там река, от которой остался лишь убогий ручеёк, искрится на камнях, отражая то небольшое солнце, что проникает

сюда. Мне нравится журчание воды, нравится запах и свежесть, которые поднимаются над ней. Я вдыхаю аромат лета, солнца, леса и думаю, что такие моменты остаются в памяти навечно, забираясь куда-то в подкорку помимо твоей воли. Вокруг нас деревья и густой кустарник, вокруг нас щебечут птицы, и солнце щурится сквозь густую листву деревьев. Вокруг – тишина, счастье и детство – их буквально можно потрогать руками, как семена одуванчика, которые подхватило порывом ветра и теперь несет по свету, сея во всем мире свет и тепло расцветающего лета.

А несколькими мгновениями позже Аня переворачивается через перила и летит головой вниз, стремительно приближаясь к камням.

\*\*\*

Я стою на остановке и смотрю на дом с красной черепицей. Сегодня прохладно, и у меня замерзли руки. Я тру ладони друг о друга, а потом снова запихиваю в карманы. И вроде бы безветренно, но пробирает до костей – все-таки не май месяц, а всего лишь конец апреля. Я смотрю на красную черепицу и представляю людей, живущих там. Представляю, как они ходят, разговаривают, едят или спят. Вот прямо сейчас кто-то из них, в майке, носках и тришках с вытянутыми коленками идет на кухню, берет чайник и смотрит, сколько там воды осталось, видит – мало, доливает еще и включает кнопку. И пока чайник закипает, человек зевает, тянется, а потом чешет зад или ногу. А может быть, прямо сейчас,



вот в эту самую секунду, кто-то целует кого-то в первый раз в жизни – робко, неловко касаясь губами, пытаюсь контролировать каждое движение, стараясь унять дрожь в руках и уловить ритм чужих губ, подстроиться под чужое дыхание, услышать биение чужого сердца. А может, там просто смотрят телевизор.

Подходит мой автобус – с характерным шипением открываются двери ПАЗика, и он приветливо приглашает меня внутрь, но я не сажусь в него, а отворачиваюсь, делая вид, что мне вообще не в ту сторону. Двери закрываются, слышно, как водитель с жутким треском шестерни включает первую передачу, автобус трогается и выезжает из кармана остановки. Я поворачиваюсь, провожаю его взглядом и снова поворачиваю голову к дому с красной черепицей. Отсюда, с остановки, видно только крышу, потому что он находится в трех домах от дороги, и его практически полностью заслоняют другие постройки, но мне и не нужно видеть его, чтобы с точностью до мельчайшей детали нарисовать его в своей голове. Я ошибусь только в тех местах, которые переделали новые хозяева дома, потому что уже очень давно я не подходила к нему ближе, чем стою сейчас. Уже очень давно я только и делаю, что смотрю на красную черепичную крышу.

– Привет.

Я поворачиваюсь:

– Только что ушел наш автобус.

– Не мог найти рюкзак. Как сквозь землю, честное сло-

во...

– Тормоз.

– Дура.

– Деньги у тебя есть?

– А у меня они откуда?

– Ты же работаешь!?

– А ты нет, но почему-то у тебя их всегда больше, чем у меня. По-моему это охренеть, как несправедливо.

Я согласно киваю и снова отворачиваюсь к красной черепичной крыше. Тим подходит, становится рядом со мной и пытается отследить мой взгляд. Утыкаясь глазами в красную черепичную крышу, он поправляет лямки рюкзака:

– А тебе зачем?

– Зачем – что?

– Деньги?

– А... будем учиться курить.

Тим тихонько рычит:

– Ну сколько можно? Я в прошлый раз чуть все штаны себе не заблевал...

– Пока не научимся.

– Слушай, ты – как хочешь, а я – не буду.

– Слабак.

– Мазохистка.

Я поворачиваю голову и смотрю на него. Он бросает на меня быстрый взгляд, опускает ресницы и смотрит себе под ноги, но потом снова поднимает глаза на меня. Я смотрю на

него и думаю – как же он, весь такой правильный и порядочный, нравится девчонкам? Нет, ну серьезно? Во всех художественных книжках и псевдонаучных пособиях по взрослению черным по белому – девочкам нравятся плохие мальчики. Но Тимура точно плохим не назовешь, даже с большой натяжкой. Тем не менее, девчонки от него просто в восторге. Ну, не все конечно, и он явно – не рок-звезда, но все же весьма приметный персонаж. Наверное, дело в его восточной внешности. Вернее, полувосточной. Тимур – откровенный метис – у него большие миндалевидные глаза темно-карего цвета, темные, почти черные волосы, брови и ресницы при относительно светлой коже – он не совсем бледная поганка, но и не такой смуглый, как его отец. И при всей «восточности» верхней половины его лица, вся нижняя – явно европеоидного типа – прямой узкий нос, губы тонкие, классической, правильной формы, чем-то напоминающие губы древнегреческих статуй, и по-европейски узкий, немного вытянутый овал лица. Станный, но яркий коктейль, особенно если учитывать, что он уже выше среднестатистического студента примерно на полголовы, а ведь ему всего шестнадцать. Но это, наверное, не только генетика, но и баскетбол, на который он ходит с восьми лет. Говорят, они там вытягиваются за счет того, что все время тянут руки вверх.

– Слушай, а почему тебя Тимуром назвали? Это же вообще не ваше имя?

– В каком смысле «не наше»?

– У тебя же отец казах!?

– Ну.

– А это татарское имя.

– А... я не в курсе. Мне как-то не интересно... Ты что, «гуглила» мое имя? – он удивленно вскидывает брови.

Я отворачиваюсь и снова упираюсь взглядом в красную черепицу:

– Мне было скучно.

– И ты от скуки «гулгишь» мое имя?

Я снова поворачиваюсь к нему:

– А ты что «гуглишь», когда тебе скучно?

Он краснеет и опускает глаза вниз. Я улыбаюсь и снова перевожу взгляд на крышу:

– Конечно, гораздо интереснее пускать слюни на Еву Грин в нижнем белье...

Он заливается краской с головы до ног. Если бы было можно, он зарыл бы голову в землю, как это делают мультишные страусы, но он лишь опускает подбородок, прячет нос в одежде и негодуяще бубнит в ворот ветровки:

– Подумаешь... один раз застучала, теперь всю жизнь будет...

– Да ладно... – говорю я, поворачиваясь к нему. – Ева Грин – классная.

Он поднимает на меня глаза и с сомнением смотрит на мою примирительную улыбку.

– Будь я мужчиной, я бы тоже на неё запала.

Он все еще недоверчиво елозит взглядом по моему лицу, пытаюсь понять, что это – очередная уловка или совершенно бескорыстная откровенность. Но я не пытаюсь его поддеть. По крайней мере, не в этот раз. Ева Грин, и правда, огонь.

– Это тебе не Майли Сайрус или Селена Гомез. Она гораздо круче. Это как... – я поднимаю глаза в серое небо, пытаюсь найти подходящую аналогию для сравнения, дабы продемонстрировать полную боевую готовность вывести его из неудобного положения, в которое сама же его и загнала, – ... как обычная песочная печенюшка и огромный шоколадный торт из кондитерской. Ну, знаешь, в глазури с кремом и кусочками шоколада наверху, – говорю я.

Он смотрит на меня, и легкая тень улыбки вырисовывается над воротом куртки.

– Или, – самозабвенно продолжаю я, – как «Доширак» и сочное, хорошенько промаринованное, зажаренное на углях мясо, с луком и зеленью... которое еще шкворчит у тебя на шампуре.

Он смеется, и его лицо выползает из ворота ветровки:

– Это как Lamborghini Aventador и Daewoo Matiz, – добавляет он.

Я улыбаюсь, довольная тем, что свела всю неловкость на нет:

– В этом вопросе я уже не сильна, но, наверное, да.

Он смеется:

– А сама-то... Ты бы все отдала за то, чтобы Бил Скарс-

гارد в лице Пеннивайза<sup>1</sup> вылез из твоего холодильника.

– О, да... – смеюсь я. – Если бы Пеннивайз вылез из МОЕГО холодильника, еще неизвестно, кому из нас пришлось бы убежать.

Мы смеёмся, а я думаю – если бы Пеннивайз, и правда, вылез из моего холодильника, я бы навалила кирпичей...

Из-за поворота выезжает ПАЗик.

– Поехали, – говорит Тим.

Автобус подъезжает, шипя открывающимися прямо на ходу дверьми. Мы ждем, пока он окончательно остановится, и запрыгиваем внутрь. На нашей остановке автобус еще пустой, но мы все равно не садимся. Мы проходим в самый конец салона и забиваемся в угол у заднего окна. Автобус закрывает двери и трогается с места, а я бросаю последний взгляд на крышу из красной черепицы.

Так же, как делаю все последние семь лет.

\*\*\*

Я сижу и обливаюсь холодным потом.

За моей спиной тихий смех и бесконечные перешептывания. Им нет конца. Если бы преподаватель по литературе не была такой строгой, думаю, смех и комментарии были бы гораздо громче, и я, наверное, смогла бы услышать, что именно они говорят. А так я просто догадываюсь, что мне перемивают кости, но какие конкретно – сказать не могу. Кому же

---

<sup>1</sup> Главный антагонист романа Стивена Кинга «Оно» и его экранизаций. В данном случае имеется в виду экранизация 2017 года.

еще, как не мне? Я медленно набираю воздух в легкие, и так же медленно выдыхаю. В таком настроении эти дамы особенно страшны. Да, да, не в подавленном и пасмурном, которое, как принято считать, само по себе предполагает агрессивный настрой, а именно – в легком и радужном. Почему-то именно такое настроение побуждает их в сотый раз пройти по моей одежде и невзрачной прическе. Именно пребывая в пьянящей эйфории от собственной значимости, они любят разглядывать мои джинсы и темно-синий свитер, которые со мной уже третий год. Да, согласна, выглядят они уже не так презентабельно, как три года назад. Хотя, честно говоря, и три года назад они тоже не являли собой верх стиля и женской привлекательности. Просто синий свитер, просто темно-синие джинсы. И, нет – я не замарашка и не нищая. Просто не люблю покупать одежду. Для меня это – сущая пытка – огромные торговые ряды с невероятным количеством вещей и полок, которые пестрят всевозможными цветами и формами, размерами и стилями, жуткими названиями, суть которых я не понимаю. Продавцы задают вопросы, на которые мне нечего ответить, а потому я чувствую себя, как на экзамене: «бойфренды» или «скинни»? Высокая талия или низкая? Потемнее или посветлее? Разрезы впереди не смущают? Длина три четверти подойдет?

Блин, да откуда мне все это знать? Мне просто нужны джинсы...

Однотруппниц, что сидят за моей спиной, во мне не устра-

ивает решительно все – отсутствие косметики и обычная черная резинка, которой схвачен хвост на голове (мои слишком длинные волосы им, кстати, тоже не нравятся), джинсы и свитер, из которых я не вылезаю круглый год, за исключением сильной жары и жесткого холода, кроссовки и рюкзак вместо сумки. Не устраивают моя куртка и желание учиться, не устраивают мои ногти и факт того, что я знаю, кто такой Булгаков и о чем, собственно, «Собачье сердце». Наверное, их особенно злит, что я знаю это, прочитав книгу, а не посмотрев фильм. Их не устраивают мой голос и цвет глаз, моя походка и оценки за полугодие. Я не отличница и не троечница, я – что-то среднее. Серое и невзрачное, неприметное и тихое, и возможно, я бы даже оставалась для них размытым серым пятном на протяжении всех четырех лет обучения в колледже до момента получения аттестата о среднем образовании, если бы не одно обстоятельство.

Тим.

К сожалению, мой единственный друг является источником моих неприятностей. Не специально, конечно. Колоритная внешность делает его заметным, а потому Тим имеет, в среднем, одну поклонницу из компании девочек общей численностью четыре-пять человек. То есть, практически каждая пятая девушка пользуется его в своих порочных фантазиях, как минимум трижды в день. Иногда не такие уж порочные. Иногда не трижды, а больше. Но суть не в том, сколько и как часто, а в том, что за моей спиной – четыре



подруги, одна из которых свято верит в то, что единственная причина, по которой она не встречается с Тимуром – это я. И мне бы очень хотелось объяснить ей, что здесь главным фактором становится не наличие меня, а отсутствие её. Того, что делает её – ею. Иными словами – интересы, хобби, увлечения, стремления и желания. И, да, вы можете обвинить меня в мелочной, молчаливой агрессии и надменности, но я никогда не смогу, даже если очень захочу, объяснить ей, что я и Тимур можем часами обсуждать интересную нам обоим книгу, фильм, музыку, спорт и вкусную еду. Особенно еду. Это сложно, потому что все разговоры её и её подруг (я сужу из того, что обычно слышу за своей спиной) сводятся к обсуждению чужих задниц и грудей, а так же того, во что всё это завернуто. Сложно, потому что словарный запас Тима не ограничивается словами «фрик», «мажор», «гомик», «шмара», «тусить» и их нехитрые сочетаниями с несложными, частенько повторяющимися прилагательными. И, да, вы можете обвинить меня в трусости, потому как я никогда не скажу им этого в лицо, но... черт возьми, они действительно примитивны! Одноклеточные люди. Прямо до жути. А жутко становится тогда, когда ты понимаешь, что именно они задают тон всей группе – их увлечения копируются, их привычки перенимаются, их словарный запас кочует по классу, как бубонная чума, только переносят её не крысы. Хотя, если посмотреть под определенным освещением... Ну, это уже слишком грубо даже для меня.

Звенит звонок.

\*\*\*

– Эй, шмара!

Я ускоряюсь.

– Далеко собралась, прошмандовка?

Дело плохо. Бежать? Всё равно, что дразнить быка красной тряпкой. Особенно, если ты ни капельки не тореадор и даже не собираешься им быть.

Позади слышится быстрый топот четырех пар ног, и мне приходится – я срываюсь и бегу. По узкой тропинке через весь задний двор колледжа, до узких выходных ворот. Мимо мелькают деревья и прогалины прошлогодней травы, лужи, мокрая грязная земля и крохотные островки еще не растаявшего снега. Надеяться на то, что меня увидят кто-то из преподавательского состава, смешно – тут никто не ходит. Никто, кроме тех, кому захотелось покурить или приспичило потискаться и... у кого чешутся кулаки. Я несусь, выжимая из себя всё, что есть в моем тщедушном теле, слыша, как приближаются ко мне мои одноклассники. Их топот все ближе, их голоса все злее, и я уже практически чувствую запах их дешевых духов. Я прибавляю. Открывается второе дыхание, и заветные ворота становятся ближе. Добежать бы, а там – дорога и, возможно, взрослые, которых побоятся эти четверо.

Меня сбивает с ног чем-то мягким и тяжелым – валюсь на землю, мои руки скользят по мокрой, мерзлой земле, кожа

обдирается, и за рукава набирается грязи, моя куртка мгновенно становится серой, джинсы промокают и покрываются мерзкой жижей, которая сразу же просачивается сквозь ткань и прилипает к коже. Рядом приземляется сумка с тетрадями одной и них.

Хорошо, что тут никто не ходит.

Поднимаюсь на четвереньки. Они подбегают и ржут, как скаковые лошади. Им смешно, а я пытаюсь подняться на ноги. Одна из них, та, что выше и больше остальных, пинает меня в бок, и я снова валюсь на землю. Раскат хохота. Я стискиваю зубы в бессильном отчаянии и чувствую, как тело начинает дрожать. Снова поднимаюсь, и на этот раз никто не пинает меня – они просто заходятся в истеричном хохоте, глядя на то, как с меня капает вода и грязь. Я даже глаза не могу поднять – мне безумно обидно и стыдно. Стыдно перед теми, кто уронил меня в грязь. Разве такое может быть? Обидно, что ничего не могу ответить им, ни на словах, ни на деле. Развернуться бы, да как дать им по наглым мордам своим рюкзаком! Но вместо этого я молча поднимаю его и пытаюсь водрузить на плечо. Из него льется. Снова приступ хохота с тонкими истерическими попискиваниями.

Ненавижу их.

Одна из них – блондинка с коротким каре, огромной грудью и ногами, как два фонарных столба – прямыми и бесформенными – вытирает слезы, проступившие сквозь смех: – Может, хоть теперь переоденешься...

Снова взрыв хохота. Ничего смешного она не сказала, но её подружки так и заходятся. Я перевожу затравленный взгляд с одного лица на другое и с замиранием сердца думаю – ждате ли мне чего-то похуже? Это не блондинка влюблена в Тима. Эта – её лучшая подруга, то есть она, вроде как, и не при делах вовсе. А вот та, что влюблена, стоит прямо за её спиной и скалит зубы – рыжая, невысокая, весьма недурна собой, если не считать отвратительного характера. И возможно, её веснушки были бы очень милыми, не ведаю она себя, как животное, но сейчас, глядя на россыпь рыжих пятнышек на её носу и щеках, я с упоением думаю – Тимур не любит рыжих. Однозначно – не Ева Грин. Ничего общего.

Тут блондинка достает изо рта жвачку и идет ко мне – в моих глазах загорается паника. Я испуганно смотрю на неё и делаю несколько шагов назад, предчувствуя что-то из ряда вон. Её подружки подбегают, и хватают меня за руки.

– Вы что, совсем озверели, что ли? – кричу я.

Но это лишь раззадоривает их. Я пытаюсь вырваться, я отчаянно дергаюсь, стараясь вырвать руки из цепких клешней, но их пальцы словно вросли в мое тело. Я дергаюсь, я пячусь назад и пытаюсь кричать на них. Это лишь поднимает ставки. Блондинка рядом со мной. Она берет меня за хвост, а затем впечатывает плюху жвачки в мои волосы. Хохот, одобрителные возгласы и омерзительные голоса с упоением галдящие надо мной, словно чайки над китовой тушей. Меня отпускают, а я закрываю лицо руками и сдаюсь – я даю им

то, чего они добивались. Я начинаю плакать. Это дежа-вю никогда не закончится. Гребанная петля времени – снова и снова, до первых слёз, как до первой крови. Им, в общем-то, больше ничего и не нужно, кроме чувства собственного превосходства, выливающегося из меня крокодильими слезами. Мое унижение стало их наркотиком в последний год, и если вы думаете, что издевки и побои заканчиваются в старших классах школы, вы глубоко заблуждаетесь. Я – тому живое подтверждение. Я стою и рыдаю у них на глазах, а они с упоением впитывают мои страх, боль и унижение.

– Еще раз увидим тебя с Тимуром, – шипит мне блондинка, – и ты будешь ходить лысой до самого выпускного. Поняла, мразь?

Дикое завывание, больше похожее на вой шакалов, одна из них плюет на мой рюкзак, а затем они разворачиваются и идут по тропинке, хваля блондинку за креативность речи.

Я стою на заднем дворе колледжа и рыдаю в три ручья. Мне так обидно, мне до того больно, что я никак не могу унять слёзы. Я всхлипываю и подвываю, я пытаюсь зарыть рот, но у меня ничего не выходит – все, что я хотела сказать им в ответ, все, что могла бы, но не сделала, превращалось в воду и лилось из меня нескончаемым потоком.

Ненавижу их.

Ненавижу их!

Господи, как же все это достало! Достали обида и унижение, достали собственная беспомощность и неумение постой-

ять за себя. Достало, что все, кому не лень, указывают мне, с кем мне общаться, а с кем – нет.

«Чтобы я тебя больше не видела рядом с Тимуром», – говорит блондинка.

«Я не хочу, чтобы ты общалась с Аней», – говорит мама. Все решают за меня, и никому нет дела до того, чего хочу я.

Я вспоминаю Аньку и плачу еще сильнее. Я плачу, потому что знаю – Анька не дала бы меня в обиду. Анька надрала бы им задницы и начистила откормленные рожи. Я это знаю, потому что Анька никогда и никого не боялась.

\*\*\*

*Это был один из погожих солнечных денечков. Именно в тот день вечно рыдающая девчонка по имени Катя, которую еще никто не видел с сухими глазами (возможно, даже ее собственные родители), попыталась забрать у меня Настю (моя кукла). Я была на даче у бабушки. Отлично помню, как сидела на траве прямо рядом с открытой калиткой и, находясь под бдительным, но периодическим контролем бабушки, а потому фактически была предоставлена самой себе. Время шло к обеду, а потому Настя уже должна была приступить к полной тарелке воображаемого супа, когда появилась та самая Катя. На меня упала тень, и я подняла голову. Катя стояла прямо передо мной в тонком ситцевом сарафане и сандалиях на босу ногу. Она усердно рассматривала мою Настю и новехонький кухонный набор из*

пластмассы, которые подарили мне родители на мой день рождения, буквально за неделю до этого. Пройдясь взглядом красных глаз по сидящей за столом кукле, Катя спросила:

– Она ест червяков?

Я посмотрела на мелкую траву, собранную в пластмассовую кастрюльку, и мне показалось странным, что девочка не замечает очевидного – это же суп, ясно как день.

– Нет, это... – начала я, как вдруг, Катя наклонилась и ловким движением вытащила Настю из-за стола и поднесла к своим заплаканным глазам.

– У нее все ноги разрисованы, – тоном эксперта по куклам сказала она.

Внутри меня неприятно зашевелилось что-то, что очень тихо, но настойчиво подсказывало мне – сейчас будет нехорошо. Взгляд Кати и ее наглое поведение говорили о том, что пришла она не с миром, но я была еще слишком мала, чтобы улавливать детали и акценты человеческого поведения, а потому за меня говорили инстинкты.

– Отдай Настю, пожалуйста, – попросила я.

– Ее зовут не Настя, а Анжелика, – сказала Катя, шмыгая носом и устремляя на меня взгляд, полный уверенности в собственной правоте.

Глаза мои предательски заблестели, а к горлу подкатил комок.

– Отдай куклу, пожалуйста, – на последнем слове мой голос дрогнул, и это не ускользнуло от внимания Кати. Она

смерила меня оценивающим взглядом, а затем сказала твердо и хладнокровно:

– Нет.

По моей щеке побежала слезинка, губы предательски изогнулись.

– Это моя кукла... – прошептала я.

– Была твоя, а стала моя, – со всевозрастающей решимостью отчеканила Катя и посмотрела на свой трофей. – Я ее заберу и спрячу под сараем. Даже если ты расскажешь бабушке, и она придет к нам за куклой, взрослые её не найдут. Они не поверят тебе. Не поверят, что я её забрала, и подумают, что ты просто потеряла куклу. А когда мы поедем домой, я положу ее в свой рюкзак так, чтобы никто не видел, – а затем она добавила хладнокровным голосом матерого вора-рецидивиста. – Я так уже делала.

В этот момент слезы хлынули из моих глаз, и рот раскрылся в немом плаче. Я даже воздуха не могла проглотить, не то, чтобы позвать бабушку, которая как назло где-то запропастилась. Я тихо и горько роняла слезы на траву, понимая, что не смогу дать отпор этой наглой, бессовестной девице. Я никогда не могла. Не умела. Я – трусиха, сколько себя помню.

Катя смотрела на мою истерику и по ее лицу расплзлась самодовольная ухмылочка...

Вдруг камень, размером с перепелиное яйцо, со всего маху врезался ей точно в лоб. В первое мгновение на лице Кати



отразилось лишь удивление, но потом, когда тело громко и отчаянно завопило о боли, Катя выронила куклу и, схватившись за лоб, залилась тем же немым плачем. Выглядело это так, словно идет мультфильм, но без звука.

Камень прилетел откуда-то из-за моей спины. Я обернулась. Там стояла белокурая девчушка нашего возраста в светло-голубой юбке и шикарной белой футболке с Барби во всю грудь. Она улыбнулась мне и заговорщически скривила хорошенький носик. Девочка была до того красивой, что я забыла, как реветь и залюбовалась огромными голубыми глазами и шикарными волосами цвета соломы. Они блестели на солнце, переливаясь золотом в местах, где крупный завиток ложился в локон, накладываясь один на другой.

Тут Катя заголосила вовсю. Она плакала так громко, что из-за нашего дома послушался звук упавшего ведра и быстрые шаги моей бабули.

Незнакомая девочка подошла ко мне и, встав рядом со мной, со спокойным лицом рассматривала, как на лбу у Кати растет огромная лиловая шишка. Мы смотрели, как Катя извивается от боли, а ее лицо корчится в гримасе злобы, и на мгновение меня пронзил восторг – впервые в жизни кто-то, кто не был со мной в кровном родстве, заступился за меня, встал на мою защиту и не дал меня в обиду. Справедливость торжествовала и, хоть и не моими руками, но злодей наказан, а зло так и не свершилось за секунду до неизбежного. Совсем как мультфильмах про супергероев. А по-

том мне стало стыдно и жалко эту наглую девчонку. Все-таки это очень больно – получить камнем в лоб. Я повернулась и посмотрела на голубоглазую блондинку. Ничего в ее взгляде не говорило о сожалении, но и восторга она не испытывала. Все, что я смогла прочесть тогда в силу возраста, мне показалось скорее похожим на спокойствие и полное равнодушие к горю плачущей девочки.

Тут Катя повернулась и закричала:

– Ненормальная!

Она развернулась и побежала к своему дому, а мы остались вдвоем с блондинкой.

– Зря ты ее так сильно, – сказала я, смущаясь от того, что говорю подобное моему спасителю. Но девочку мое замечание не смутило, и она спокойно ответила:

– Ничего не зря. Нечего брать чужое, – а затем улыбнулась мне и спросила, глядя на пластмассовую кастрюльку – Это суп?

Я опустила глаза вниз, снова посмотрела на девочку, стоящую надо мной и кивнула, улыбнувшись во весь рот. Говорю же, ясно как день – это суп, а не червяки. За нашими спинами послышались торопливые шаги бабушки.

Что было дальше я уже и не помню, но, полагаю, мы с ней получили по первое число. Что бы там ни было, а бросаться камнями нельзя.

\*\*\*

Я иду по улице и тихонько всхлипываю – все, что осталось

от моей истерики. Я пытаюсь отряхнуть одежду и рюкзак, но они намертво впитали в себя грязь. Зато начали подсыхать. Отлично.

– Танька! – слышалось позади меня. – Танюха! Стой! Ну, стой же...

Тим подбегает ко мне, обгоняет, и в одну секунду его счастливое лицо увядает на моих глазах – глаза округляются, тонкие губы белеют:

– Ё-мое... – шепчет он, судорожно оглядывая меня с ног до головы, а затем его голос становится уверенней и громче. – Кто это сделал?

Он останавливается прямо передо мной, преграждая мне дорогу, но я обхожу его:

– Не твое дело, – я отчаянно пытаюсь стереть с рук грязь, но она намертво впиталась в мою кожу.

Тимур оббегает меня и опять встает на моем пути:

– Таня! Кто это сделал? – громко и четко говорит он и хватается меня за плечи, пытаюсь остановить. Я скидываю его руки с себя:

– Да отстань ты от меня! Чего ты привязался ко мне?

Я снова обхожу его и ускоряюсь, чтобы он не видел, как мое лицо снова корчит в гримасе подступающих слёз. Он бежит следом:

– Танька, ты просто скажи мне – это они?

Я молча колочу ногами по земле, стараясь не замечать его за моей спиной.

– Ты просто кивни...

Тут я резко останавливаюсь и разворачиваюсь к нему:

– И тогда что? Что ты сделаешь? Пойдешь девчонок бить?

Он резко останавливается, чуть не врезаясь в меня, смотрит на меня, бешено шаря глазами по моему лицу:

– А четверо на одного, это по – девчачьи? Это уже не девчонки – это звери. А со зверьми...

– Что тебе нужно от меня? Чего прилип, как банный лист? – я шиплю и давлюсь собственным гневом. Я смотрю на него и понимаю, что все, что я сейчас говорю и делаю – результат моей трусости. Исключительно её и больше ничего, потому что Тимур все стерпит, а я уже не могу терпеть. – Все, Тим, оставь меня в покое. Я тебя больше видеть не хочу.

– Тань, ты сдурела? – он смотрит на меня бешеными глазами. – Я-то здесь при чем?

– Ты здесь очень даже при чем! Вот прям самым прямым образом при чем! – срываюсь я. – Поэтому-то я...

Тут он смотрит на мои волосы и видит жвачку. Он берет в руки мой хвост и нежно перебирает палацами слипшиеся пряди:

– Это что? – тихо шепчет он и его глаза становятся огромными, блестящими от подступившей ярости.

Я открываю рот, чтобы ответить, но он, не дожидаясь моих слов, выпускает из рук волосы, разворачивается и срывается с места. Я смотрю, как он бежит по тротуару и возвращается во двор через узкие входные ворота заднего двора.

А я разворачиваюсь и иду к остановке – плевать мне, что он там задумал. Я хочу домой.

## **Глава 2. Деталь с обломанными пазами**

Машина проседает и снова поднимается – вниз, вверх, вниз, вверх. В основном – задняя её часть. Темп ускоряется, и мне становится нестерпимо противно – я отворачиваюсь, но через секунду снова поворачиваю голову к окну и пристально наблюдаю за тем, как раскачивается старый «японец». Есть что-то завораживающее в этом отвратительном зрелище. Вверх, вниз, вверх, вниз. Я уверена, если подойти ближе, я услышу характерный скрип старых амортизаторов. Скрип, скрип, скрип. Вверх, вниз, вверх, вниз. Теперь уже быстрее. Я почти уверена, что, будь я достаточно близко, то услышала бы не только скрип подвески, но тихий стон. А может, и не такой тихий – его девушки, обычно, не стесняются. Я сижу на чердаке и смотрю в окно за тем, как он занимается любовью. Хотя я не думаю, что это любовь, потому что главная героиня этой сцены меняется уже в третий раз за эту неделю. Вам когда-нибудь доводилось видеть, как самый красивый, самый шикарный и обаятельный человек во всем мире занимается сексом? Не с вами, разумеется. Если нет, то вот вам информация из первых рук – это довольно неприятно. Я слышу свое дыхание, которое шелестит в полнейшей тишине, чувствую, как вспотели ладони, и сквозь

грохот сердца в ушах слышу собственные мысли: *«Воят волки за углом...»*. Это наша с Анькой любимая детская считалочка. Я смотрю, как машина ходит ходуном, и ненавижу ту, что внутри, кем бы она ни была. Ей до него нет никакого дела – одноразовые прелести. А мне – есть. И тем не менее, я здесь, а она – там. Я и сама не замечаю, как стискиваю зубы и скалю их в окно, глядя на то, как старый «Скайлайн» прогибается под тяжестью двух тел внутри. Все быстрее и быстрее. Я хочу отвернуться, но не могу. Я смотрю и смотрю, как машина ускоряет время, разгоняет кровь в моих жилах, рисуя картины того, что происходит внутри. Он мне – никто. Вверх, вниз, вверх, вниз. Он мне ничем не обязан. Все быстрее и быстрее. И все же я ненавижу его. Ненавижу настолько, что больше всего на свете хочу оказаться там, в этом старом «Скайлайне». Вверх, вниз, вверх, вниз, вверх...

Все остановилось. Движение испарилось, мир застыл, словно все живое вокруг получает наслаждение вместе с людьми внутри крохотной легковушки. Сладкое удовольствие невидимыми волнами заливает весь задний двор. Я разжимаю кулаки – на внутренней стороне остаются отметины мои ногтей – и выдыхаю. Почти уверена, что там, внутри, происходит примерно то же самое.

Удар сердца, взмах ресниц, быстрое движение языка по пересохшим губам – и жизнь снова возвращается к прежнему ритму, обретая звуки, запахи, краски, эмоции.

Внизу слышен смех. Я даже не уверена, что это они, но

отворачиваюсь, поднимаюсь на ноги и отхожу от окна, потому что не хочу этого видеть. Я и так знаю, что произойдет дальше. Пару минут спустя откроется задняя дверь, и она вылезет оттуда, поправляя одежду (скорее всего юбку, так ведь гораздо удобнее), потом она повернется и низко наклонится, выпячивая зад. Она заглянет на заднее сиденье, обменяется с ним парой ничего не значащих фраз, затем рассмеется и попрощается. Пройдет по двору, откроет калитку и выйдет на улицу, закрыв за собой дверцу. Не исключено, что они больше никогда не пересекутся. Все – как всегда. Он не пойдет её провожать, не скажет пару-тройку ласковых слов на прощание и не поцелует – он останется в машине, растянется на заднем сиденье так, что ноги буду торчать из открытой двери. Как всегда. Он закурит и включит музыку. Как обычно.

Внизу слышится женский голос, который смеется. Чтобы не слушать её, я неспешно складываю тетради и учебники в стопку, собираю по полу разбросанные ручку, карандаш, резинку и нарочито громко читаю вслух старую считалку, которую раньше мы пели на два голоса:

*Воют волки за углом,  
Мы с тобой гулять идем.  
Мимо старого крыльца,  
Где видали мертвеца.*



Голос девушки за окном смеется звонко, высоко и, словно дрель, впивается в мою голову.

*Речку бродом перейдем,  
Где сомы размером с дом  
Мимо с кладбища, где нас  
Зомби чмокнет в правый глаз.*

Его голос отдается тихим эхом и бальзамом ложится на раны от её визжащих, попискивающих на высоких нотах, интонаций, которые оставляют кровавые порезы в моей воспаленной фантазии. Интересно, несколько минут назад она так же противно визжала?

*А за кладбищем лесок,  
А в лесу глубокий лог,  
И колодец там без дна...*

Скрипнула калитка.  
Ну, наконец-то...

Я подошла к окну, выглянула и улыбнулась. Я знаю его лучше, чем кто-либо из его «подружек» – задняя дверь открыта и из нее торчат голые ступни, сложенные одна на другую, еле слышно играет музыка. На нем легкие тренировочные трико и, скорее всего, больше ничего. Я смотрю на него и думаю, что, наверное, все дело в частных домах. Мы живем

на окраине города, где все еще сохраняется частный сектор, и не просто сохраняется, а растет, видоизменяется и идет в ногу со временем, не желая уступать место многоэтажкам. Дома обновляются – сносится дерево, и на его место приходят кирпич и шлакоблок, современная отделка фасадов и аккуратные дворики, гаражи на две машины и тарелки спутникового ТВ. Думаю, если бы мы были соседями по квартире, я бы знать не знала о том, что он делает и чем занимается в свободное от работы время. Квартиры не дают такого обзора личной жизни, как частные дома. Частные дома слишком простодушны, не умеют хранить секреты и порой выставляют напоказ слишком многое. Будь мы соседями по лестничной площадке, я бы изредка встречалась с ним на выходе из лифта и здоровалась бы раз в полгода. Но здесь я каждый день вижу, как он (в зависимости от времени года) то валяется на надувном матрасе, голый по пояс, грея высокое, стройное тело на солнышке, доводя загар до молочно-кофейного оттенка, то чинит машину по колено в мазуте и масле, то чистит лопатой снег. Линии его тела... я могла бы сдать на «отлично» знание топографических атласов его груди, плеч и пресса, если бы такой экзамен существовал. Каждый день слышу его голос, летящий через забор – он – ленивый, мягкий и надменный. Надменный он, потому что Кирилл, пожалуй, слишком хорошо осведомлен о своей привлекательности, а ленивый и мягкий – за счет травы, которую он периодически курит. Знаю всех его друзей и то, сколько раз в

неделю, а то и в день, он занимается сексом. Благодаря этому же мне очень хорошо известен список всех легкодоступных девушек нашего района. Я знаю, что Кириллом его не зовет никто, кроме родителей – все остальные зовут его Бредовый. Не потому что он несет бред, хотя и такое тоже нередко случается, особенно если он и его друзья перегибают палку с травой или алкоголем. Изначально его прозвали Брэд, в честь того самого Брэда Питта, за его любовь к девушкам и их неумение, да и нежелание противостоять его чарам. Но для русского слуха это имя очень уж неудобно звучит, а потому оно стало произноситься чуть звонче, а потом и вовсе отрастило себе хвост и превратилось в Бредового.

Он поднимается, садится на край сиденья и надевает толстовку. Несмотря на то, что выглянуло солнце и ощутимо согревало весенний воздух, все-таки было не настолько тепло, чтобы валяться голым, пусть и в хорошо прогретой машине. Даже для него. Я знаю – он терпеть не может жару и любит холод, а потому и переносит его гораздо лучше, получая определенное удовольствие, контролируемо доводя его до некоторой степени охлаждения. Он вылезает из машины и лениво потягивается во весь свой рост, а я смотрю на него и думаю – что за любовь к занятию сексом в машине? У его родителей дом такой же большой, как и наш, и у него совершенно точно есть своя комната. Его родители, так же, как и моя мама, все время на работе, и большую часть времени дом пустует, так почему он не водит своих дам туда?

Легким движением он закрывает дверь машины и сыто оглядывается по сторонам. А затем он поднимает голову и смотрит прямо на меня – на меня, стоящую в окне чердака, и наблюдающую за его сексуальными подвигами. Он улыбается, поднимает руку в знак приветствия и машет мне. Его губы расходятся в улыбке. Я краснею и радуюсь, что отсюда не видно цвета моего лица. Я машу ему в ответ. Он прикладывает два пальца к губам в международном жесте «выходи – покурим». Я киваю.

Напялив на себя первое, что попало под руку (все мои вещи, в том числе и куртка с рюкзаком крутятся в стиральной машине), я выхожу во двор, где Кирилл, небрежно свесив кисти рук через забор, ждет меня, как сказочный принц. Принц, который только что отымел в карете очередную претендентку на его скипетр и державу.

– Привет, – говорит он и шурит правый глаз от солнца, которое светит ему в лицо. – Как настроение, Хома?

Он зовет меня Хомой или хомяком, потому что я: а) до определенного возраста была весьма пухлой девочкой; б) он считает мою молчаливость и скрытность недовольством и брюзжанием, а потому он думает, что я похожа на хомяка, у которого за каждой щекой по две буханки хлеба.

Не то, чтобы меня это раздражало, но больно лупит по моему самолюбию и сводит на нет все фантазии о нашей большой и светлой любви в будущем, хоть и весьма далеко – сомневаюсь что девушка, которую молодой человек называ-

ет хомяком, фигурирует в его эротических фантазиях.

– Привет, – говорю я, и подхожу к забору. Забор, разделяющий наши участки, совсем небольшой, мне примерно по плечи, а уж Кириллу так и вовсе ниже груди. Наши родители неплохо ладят и отгораживаться друг от друга не видят смысла. – Нормально. Как сам?

– О, Хома, ты волосы постригла?

Как правило, Кирилл не отвечает на вопросы, которые ему задают, так как находит их слишком скучными, а вот свои поперек вставить – это запросто. Я провела рукой по волосам – они все еще были влажные после ванной и непривычно короткие – чуть ниже плеч, взамен длинной косы ниже пояса. Я кивнула и смущенно опустила глаза. Он непривычно долго рассматривал меня, а затем махнул рукой, мол «подойди ближе». Я шагнула вперед, встав почти вплотную к забору. Он потянул руку к моим волосам, но на полпути отдернул, словно вспомнил что-то, улыбнулся и поднял указательный палец жестом «подожди минутку». Быстро и ловко (а это значит, что он абсолютно трезвый во всех смыслах) он подбежал к крану с холодной водой для полива огорода, торчащему из стены дома, открыл и наспех всполоснул руки, и вытер о собственную кофту. О, спасибо, мой благородный рыцарь! Не хотела бы я мыть голову второй раз, помятая о том, где были эти руки еще пять минут назад. В несколько прыжков он снова оказался у забора. Его рука легко скользнула по моим волосам, разбивая их поток, пропус-

кая сквозь пальцы мягкое полотно. Это движение было таким естественным, словно он делал это тысячу раз на дню. Я замираю, чувствуя свое сердце где-то в горле. Мне страшно и одновременно так ярко, так горячо внутри. Жизнь пульсирует во мне, переливаясь восторгом и сладостью. Мне хочется податься навстречу, но я ни за что этого не сделаю. Я не знаю, куда деть глаза, я прячу взгляд под ресницами, но снова поднимаю его, смотрю на знакомые черты лица и открываю их заново. Каждый раз я – Колумб, каждый раз все – с чистого листа, и каждый раз я поражаюсь тому, насколько совершенным может быть человек. Взгляд, мимика, жесты и это свечение в глазах... Наверное, именно это им нравится – его девушкам – этот свет в глубине, скрытый за радужкой. Он – живой, он тянет к себе. Кирилл проводит ладонью по волосам, снова и снова. Он никогда не стесняется прикасаться к девушкам, но ко мне отношение всегда было сдержанным – чаще всего в нем просматривалась некая трепетность, наподобие той, что испытывает брат по отношению к сестре. Но все же – не совсем. В такие минуты, как эта, сложно понять, что же это за прикосновение – ко мне, как к девушке, или ко мне, как соседке Хоме, одной из немногих постоянных составляющих его жизни? Бредовый любит девушек во всех их проявлениях, поэтому их у него слишком много – низких и высоких, полных и худых, взрослых и совсем молоденьких, истеричных и уравновешенных, блондинок, брюнеток и рыжих, скромных и приторно пошлых, недотрог и

шлюх, на машинах и пешеходов, сереньких и ярких. Он абсолютно всеяден, потому как любит их всех. Как вид. А потому не любит никого.

– Мне так больше нравится, – говорит он, а затем убирает руку, тянется в карман, достает пачку сигарет и вытаскивает одну, зажимая её губами – вспыхивает огонек зажигалки, и между нами поднимается белый джин из сигареты. Кирилл щурится, когда дым попадает ему в глаз. – Только ты неровно постригла.

Я киваю и опускаю глаза. Конечно, блин, неровно! Странно было бы, если бы получилось иначе, потому как, когда тебя трясет от слёз и ненависти, руки плохо слушаются. Сначала я выстригла всю жвачку, но потом увидела, что от волос осталась ровно половина, и дрожащей рукой отрезала остальное. Долго оплакивала свои волосы, но все же взяла себя в руки – теперь уже ничего не поделаешь. Теперь, когда Кирилл смотрит на меня, прищурив один глаз, улыбается и внимательно разглядывает мое лицо и волосы, я начинаю думать, что мне нравится их нынешняя длина. Да, определенно нравится.

– Поехали! – говорит он.

Глаза мои карикатурно распахиваются:

– Куда? – спрашиваю я.

Но он снова не считает нужным отвечать. Он машет мне рукой, чтобы я выходила на улицу, а сам открывает большие ворота, садится в машину и выгоняет её из двора.

– Садись, – бросает он мне, а сам бежит закрывать ворота.

Я забираюсь на переднее пассажирское сиденье, и как только Кирилл садится за руль и закрывает дверь, я заливаюсь краской с головы до ног – для меня Кирилл, девушка и машина в совокупности дают секс. Для меня это почти синонимы, а потому мне становится невероятно трудно дышать. Я даже не спрашиваю, куда мы едем, потому что вообще говорить не могу. Мы выезжаем из наших трущоб и вливаемся в каменные джунгли. Здесь огромные дома и очень много машин. Мы вливаемся в общий поток и лавируем меж автомобилями так быстро, что мне становится страшно. Не слишком, потому что большая часть меня занята тем, что представляет, как еще десять минут назад на заднем сиденье этого авто, Кирилл и незнакомка занимались сексом. Прямо здесь, в полуметре от меня. Мне кажется, протяни я руку и притронься к сиденью, почувствую тепло, которое впитала ткань от двух раскаленных тел. Мы летим по дороге, нам периодически гудят, но Кирилла это мало волнует. Мы проезжаем переулки и дома, и выезжаем к просторной площади, где раскинулся огромный торговый центр. Заезжаем на парковку. Он открывает свою дверь:

– Идем, – говорит он.

Мы выскакиваем из авто, он берет меня за руку, и я иду за ним. Мимо стройный рядов машин, мимо хорошо одетых людей, во входные двери торгового центра, а дальше – вверх по эскалатору на третий этаж. Тут живет сфера услуг. Мы по-



ворачиваем налево и быстро пробираемся мимо людей и ярких витрин: массажных салонов, парикмахерских, тату-салонов и мастерских по починке всего на свете – обуви, часов, бытовой и компьютерной техники. Здесь есть даже стоматология, но нам точно не туда. Мы подходим к одному из павильонов, и я успеваю прочесть вывеску – «Элегия». Ну, с таким названием это может быть только одно – здесь четыре кресла, каждое напротив огромного зеркала, которые заставлены рядами тубиков, баночек и бутылочек, здесь приятно пахнет туалетной водой, средствами для укладки волос и тем уникальным запахом, который остается после сушки волос феном. Все четыре кресла заняты, и семь женщин и один мужчина, как по команде, поворачивают к нам головы, когда мы заходим внутрь. Но лишь одна из них начинает густо краснеть и улыбаться помимо своей воли. Кирилл смотрит на неё:

– Анютка, привет. Мы к тебе.

Анютка бросает быстрый взгляд на меня и напрягается, снова смотрит на Кирилла:

– Я занята.

– Мы подождем, – уверенно парирует он. – У моей племянки неудачный опыт общения с ножницами.

Племяншка?

Смотрю на Анютку и понимаю, что та тоже слабо верит в это, но все же взгляд карих глаз смягчается, линии лица снова растягиваются в смущенную улыбку:

– Да, я вижу. Подождите десять минут.

\*\*\*

Я смотрю в окно на маму и Кирилла. Они разговаривают. Мама, сначала хмурая и недовольная, теперь расслабленно смотрит на молодого парня и улыбается. Она лезет в сумку, достает кошелек, но Кирилл останавливает её уверенным движением руки. Он тихонько прикасается к ней, и мамина рука замирает на полпути – магия прикосновения работает безотказно. Мама снова улыбается, Кирилл зеркально отражает её улыбку. Дело сделано – мама убирает кошелек в сумку и что-то говорит ему, он кивает, они прощаются и обмениваются последними короткими репликами. Мама идет в дом.

*Воют волки за углом,  
Мы с тобой гулять идем.*

Ненавижу, когда мама так делает – проверяет меня. Что бы ни сказала, что бы ни сделала, он тут же бежит узнавать, как было дело на самом деле и не обернулось ли это очередным конфузом для меня, для неё, и вообще для кого бы то ни было. Словно мне все еще восемь лет. Словно я совершенно не умею оценивать ситуацию. Словно всё в этом мире должно проходить строгий контроль и цензуру моей неугомонной мамы. Не то чтобы меня это раздражало... хотя, да – меня это безумно раздражает. Я представляю себе саму себя

в тридцать с небольшим, когда мама, уже не такая молодая и не такая красивая, но все еще полная нездорового энтузиазма, топает ко мне на работу, чтобы обсудить с моим начальником перспективы моего карьерного роста. Да, я знаю, что есть матери гораздо худшие, чем моя, например те, что продают своих пятнадцатилетних дочерей за бутылку дешевого пойла. Но мы ведь сейчас не о крайностях? Мы о том, что есть люди, которым, как воздух, необходим тотальный контроль за всем и вся, и если бы было возможно, она бы строго следила за градусом отклонения Земли от центральной оси, чтобы та, не дай Бог, не вздумала отойти от заданного норматива. Ни-ни, моя дорогая! Крутись, как положено приличным планетам!

Я тяжело вздыхаю и иду к дивану. Мне стыдно перед Кириллом. Он сделал мне подарок, и я не столько о том, что он оплатил услуги парикмахера (полагаю, по двойному тарифу). Я о том, что он вообще вытащил меня и привел в парикмахерскую. Сама я никогда бы этого не сделала. Так же, как уже третий год не могу съездить за новой парой джинсов и кофтой. Но мама, с ее вечным стремлением быть центром вселенной, как всегда все испортила — как только она зашла домой и увидела мою стрижку, ринулась в бой с мастерством бывшего эсэсовца и принялась допрашивать меня о моих волосах. Вопросы посыпались бесконечным градом, и я еле успевала за ходом её мыслей. Естественно, я не стала рассказывать о том, что в моих волосах появилась жвачка,

потому что если мама узнает, то наверняка прибежит в колледж (совершенно точно прибежит!), если она узнает о четырех девицах, что не дают мне покоя, она, будучи действующим адвокатом, затаскает их родителей по судам, взыскивая возмездие с них и дирекции учебного заведения, и не слезет с них, пока их пульс не перестанет прощупываться. А мне уже точно не придется ходить в альма-матер – я просто стору со стыда. А позже обязательно получу прозвище, схожее по значению с ябедой и созвучное с «балаболкой» только во взрослом, нецензурном эквиваленте. А я этого не хочу. Ведь можно же получить диплом о среднем образовании не в режиме «через тернии к звездам», а просто так?

Поэтому официально – мне просто захотелось постричь волосы.

Почему не дождалась её? У Кирилла оказалась знакомая в парикмахерской (чье близкое знакомство с Кириллом состоялось на заднем сиденье его машины) и она любезно согласилась нам, то есть мне, помочь. Словно «нам» не ускользнула от внимания мамы:

– Ты что, влюбилась в Кирилла?

– Нет!

Ой-ё-ёй... слишком быстро ответила, слишком рьяно.

И вот моя заклинательница человеческих душ, фея-крестная человеческих пороков завелась, как бензопила «Дружба». Я сижу, опустив глаза в пол, и киваю везде, где это необходимо (знание, где именно необходимо, ко мне пришло да-

леко не сразу и с огромным трудом, но теперь я постигла этот навык в совершенстве). И пока она разглагольствует на тему Кирилла и его пагубного влияния на девушек (в особенности молодых да неопытных), думаю, как сильно наша профессия влияет на наш характер. Люди, которым государство, социум или иные ответвления власти дают право судить человека, со временем приобретают печать снисходительного или же агрессивного, превосходства над родом людским. Эта печать светится у них на лбу и люди видят её так же отчетливо, как, собственно, самого человека. И если перед вами незнакомец, который смотрит на вас раздраженно-снисходительно, а каждое слово, не подходящее под его мировоззрение, воспринимает как личную вендетту, то будьте уверены – перед вами либо врач, либо учитель, либо адвокат.

– Кирилл – мальчик не самый дурной, но и далеко не пример для...

Мальчик? Этому «мальчику» в этом году будет восемнадцать, и он уже давно на голову выше почти всех знакомых мне парней. Кроме Тима, разумеется. Та еще каланча...

– ... поэтому будь добра ограничивать...

Кстати, Тим, наверное, на меня жутко обиделся. Да и ладно. Тиму я ничем не обязана и, если уж быть до конца откровенной, то он сам все время ходит за мной. Будто больше не к кому пойти.

– ... и впредь, пожалуйста, дожидайся меня, когда задумываешь нечто...

Я забыла вытащить из стирки свои вещи. Они там, наверное, уже протухли, покрылись мхом, и там весело квакают лягушки.

— ... ты меня поняла?

— Да, мам.

Умение правдоподобно делать вид, что ты внимательно слушаешь кого-то, тоже пришло ко мне далеко не сразу.

Мама смотрит на меня и дышит так, словно пробежала стометровку быстрее Усейна Болта<sup>2</sup>, у мамы лицо цвета спелой вишни и я всерьез начинаю беспокоиться, что к пятидесяти её хватит удар. А главное, я решительно не понимаю, что же такого произошло, чего ради она рвет на себе тельняшку? Я не пришла домой пьяная или обдолбанная, я не явилась с положительным тестом на беременность наперевес или справкой от гинеколога о том, что теперь я – гордый обладатель своей собственной гонореи. Я просто постригла волосы.

Мама дергается и идет на кухню, я тяжело вздыхаю.

*Воют волки за углом,  
Мы с тобой гулять идем.*

С Анькой было точно так же. Не с парикмахершей, разумеется.

---

<sup>2</sup> Усейн Болт – ямайский легкоатлет. Восьмикратный олимпийский и одиннадцатикратный мировой чемпион по бегу на короткие дистанции.

С моей Анькой.

\*\*\*

Мы сидели в моей комнате. Анька расчленила куклу (мы играли в авиакатастрофу) и разбрасывала по разным углам моей комнаты для правдоподобности. Да, согласна, не самый радужный выбор игр, но тогда настроение у обеих было не очень (вернее очень «не»), и мы решили, что, как бы это ни выглядело со стороны, главное, чтобы оно соответствовало внутреннему состоянию.

Анька сегодня пришла очень рано, практически сразу после обеда, и тут же попала с корабля на бал – мы с мамой жутко разругались из-за оценок в школе, и теперь в воздухе буквально висело напряжение, которое время от времени искрило мамиными замечаниями «напоследок». Анька, без стука зайдя во входную дверь, потрянула кудрями, забранными в высокий хвост:

– Здравсьте, тетя Оля.

Мама ничего не ответила – мама все еще была на взводе, а потому, как всякий избалованный властью человек, в моменты плохого настроения не считала нужным поздороваться. Мама взяла со стола кружку с кофе и вышла из гостиной. Анька проводила её взглядом голубых глаз, а затем пожала плечами и посмотрела на меня:

– Чего это вы?

Я нахмурилась, скривила рожу, чем вызвала хрустальный смех моей подруги. Я засмеялась следом за ней. У Аньки

очень заразительный смех – искренний, звенящий, чистый. Он переливается и искрится, и ты невольно тянешься к нему всем своим существом.

Я смотрю на неё и думаю – как такая яркая, такая смелая и красивая девочка выбрала меня своей подругой? Смотрю, как она снимает коротенькую куртку и вешает её на вешалку, смотрю на темно-синие джинсы и ярко-розовый свитер с розовой пантерой на груди, смотрю на крохотные сережки-звездочки, что блестят у неё в ушах и думаю, что мне несказанно повезло. Нет, не потому, что она красивая, не потому, что смелая и яркая. Мне повезло, потому что нет никого в целом мире, кто знает, что я скажу, прежде чем я открою рот. Никому во всем мире нет дела до моих страхов и переживаний, кроме неё. Никто не знает меня, никто не понимает меня так тонко, как она. Когда вы находите такого человека, все, что вам остается – каждый день благодарить небеса за столь щедрый подарок.

– Пошли в мою комнату, – говорю я.

Анька кивает, и мы поднимаемся наверх.

Итак, мы увлеченно изображали момент крушения, когда в дверь постучала мама. Анька поднимает голубые глаза и смотрит на меня, а в следующее мгновение дверь открывается, и в комнату заходит мама. Она оглядывает мою комнату, и переводит взгляд на меня:

– Что тут за игра такая?

– Во врача играем, – отвечаю я.



Мама пристально смотрит на меня, а затем проходит всю комнату, переступая через «жертв авиакатастрофы». На Аньку она даже не смотрит. Она вообще никогда не смотрит на неё, потому что Анька в её глазах «не самый лучший выбор друга». Мама садится на мою кровать, вдыхает, выдыхает:

– Я хочу поговорить с тобой наедине.

Я смотрю на маму, затем поворачиваюсь к Аньке – та смотрит на меня, а затем пожимает плечиками:

– Ладно, – она поднимается на ноги и идет к двери, и, взявшись за ручку, поворачивается ко мне. – До завтра?

– До завтра, – киваю я.

Анька улыбается мне, поворачивает голову и смотрит на мою маму:

– До свидания, тетя Оля.

Мама не говорит «до свидания». Мама слишком зла, и Анька прекрасно это видит. Анька – не дура, а потому, не дожидаясь ответа, открывает дверь и уходит.

\*\*\*

Я смотрю на столешницу, и по моим щекам катятся слёзы. Как же я скучаю по тебе... Как же мне тебя не хватает! Кем тебя заменить? Кто может хоть на сотую долю приблизиться ко мне так близко, как умела только ты? Никто! Никто, блин, и не только потому, что я не хочу, а потому, что у людей элементарно не хватает точек соприкосновения – это либо есть, либо нет, третьего не дано. Вы либо сходитесь с человеком с

легким щелчком защелкивающихся пазов, либо так и останетесь лежать в коробке с остальными частями головоломки, которым пока не нашлось места в общей картинке. Но одно дело – лежать в коробке, не зная, каково это – иметь пару, и совсем другое дело – знать это и лежать общей куче с обломанными пазами, понимая, что вряд ли найдется кто-то, кто так же идеально подойдет к твоим поломанным краям.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.